

духовной власти над светской, которая была логическим выводом из идеи „третьего Рима“: раз политическое могущество Руси обусловлено тем, что в ней сохраняется „истинная вера“, то, стало быть, „святейший“ клобук „честнее“ царского венца. Эта идея была подхвачена и акцентирована в первой по времени переработке Повести — во второй пространной редакции. В ее сокращенном варианте, так называемой краткой редакции, искусственно, путем удаления всего общерусского элемента, была усилена проновгородская тенденция — след и свидетельство составления первоначальной редакции Повести новгородским книжником. Обе эти переработки, сделанные представителями определенных социальных группировок (первая — воинствующих церковников, вторая — новгородских сепаратистов) не получили широкого распространения. Последняя из них, так называемая краткая редакция повести, создав этому произведению репутацию антимосковского и децентралистического, ограничила возможность распространения его в Москве после новгородских походов Ивана Грозного. Однако интерес к Повести о белом клобуке не исчез: в середине XVI века к ней была присочинена „Посыльная грамота Дмитрия Толмача“ — исторически первая попытка выяснить происхождение этого произведения. То, что в Посыльной грамоте говорится о „благосостоянии“ Русской земли и о „чудотворцах“, в ней „просиявших“, свидетельствует о том, что она была составлена в Москве, в период массовой канонизации русских святых (1547—1549).

XVII век был временем широкого, повсеместного распространения Повести о белом клобуке. Причины этого явления могут быть выяснены только специальным исследованием судьбы Повести в новых исторических условиях, поэтому здесь мы выскажем лишь некоторые предположения по данному вопросу.

Во-первых, в XVII веке Повесть не была чужда высшему русскому духовенству, в то время как в XVI веке она упорно замалчивалась официальной историографией и агиографией (она не попала ни в Четьи-минеи, ни в Степенную книгу, ни в один из летописных сводов). В списках XVII века Повесть встречается в нескольких случаях в хронографе различных редакций, ее цитирует в споре с греческими иерархами Арсений Суханов и цитирует как раз то место, где выражена основная идея этого произведения.¹ Но основной средой распространения Повести были отнюдь не церковные верхи: ее, например, полностью игнорировал патриарх Никон, впервые опубликовавший полный текст Псевдоконстантиновой грамоты в своей Кормчей.² Зато это произведение было широко использовано противниками Никона — новой и мощной оппозицией внутри русской церкви, основные кадры которой составляли представители низшего духовенства. В послании протопопа Аввакума к царю Алексею Михайловичу „О греческих властях и о вере их нынешней“ прямо говорится, что у них „изсяче благочестие“, как о том писано „во истории о белом клобуке“.³ Старообрядцам нужна была антивизантийская тенденция Повести, дискредитация авторитета греческой церкви, к которому прибегли и Никон, исправляя книги по греческим оригиналам, и царь Алексей Михайлович, призвав в качестве

¹ Этот отрывок распространялся с конца XVII века самостоятельно, отдельно от Повести, получив даже самостоятельное заглавие (см. Приложение I, стр. 217).

² Никон несомненно знал Повесть, один из списков которой содержится в рукописи, пожертвованной им в Воскресенский Новоиерусалимский монастырь (ГИМ, Синод. 272).

³ РИБ, т. XXXIX, стр. 760.